

A photograph of a grand, ornate church interior. The space is characterized by high vaulted ceilings, intricate architectural details, and a large, multi-tiered chandelier hanging from the center. The architecture features classical columns, arches, and decorative moldings. The lighting is warm, highlighting the textures of the stone and wood. The overall atmosphere is one of historical grandeur and religious solemnity.

Сергей Кузнецов

Юридические фикции

Сергей Кузнецов

Юридические фикции

<https://litres.ru/74369212>

SelfPub; 2026

Аннотация

В настоящей книге мы рассмотрим такое сложное понятие и явление, как юридические фикции. Детерминируем понятие, признаки, классификацию, генезис. Дадим ведущие юридические точки зрения ученых, касающихся юридических фикций, более подробно разберем юридические фикции в уголовном праве и многое другое.

Сергей Кузнецов

Юридические фикции

Первоначально, нужно детерминировать понятия, дать признаки, классификации, генезис.

Юридическая фикция — это приём юридической техники, при котором в правовой норме закрепляется положение, не соответствующее объективной действительности, но при этом оно не может быть опровергнуто.

Цель такой фикции — обеспечить определённую в регулировании общественных отношений, когда установить истину невозможно или нецелесообразно, а также достичь конкретных правовых последствий.

Признаки юридической фикции

Заведомо ложное положение.

В основе фикции лежит утверждение, которое не соответствует реальности.

Императивность (неопровержимость).

Фикция не допускает доказательств обратного.

Преднамеренность создания.

Законодатель сознательно вводит фикцию для решения конкретной задачи.

Формальность.

Фикция прямо закреплена в норме права.

Целевое назначение.

Её применение всегда подчинено определённой цели: устранение неопределённости, защита интересов сторон или третьих лиц, упрощение правоприменения.

Примеры из права

Гражданское право.

Днём смерти гражданина, объявленного умершим, считается день вступления в законную силу решения суда (п. 3 ст. 45 ГК РФ).

Трудовое право.

Трудовой договор, не оформленный письменно, считается заключённым, если работник приступил к работе с ведома или по поручению работодателя (ст. 67 ТК РФ).

Процессуальное право. Если сторона уклоняется от экспертизы, суд вправе признать факт, для выяснения которого она назначалась, установленным или опровергнутым (ч. 3 ст. 79 ГПК РФ).

Уголовное право. Лицо, освобождённое от наказания, считается несудимым (ч. 2 ст. 86 УК РФ).

Виды юридических фикций

Фикции можно классифицировать по разным критериям:

По отраслевой принадлежности: гражданско-правовые, уголовно-правовые, процессуальные и др.

По характеру воздействия: положительные (признают существующим то, чего нет) и отрицательные (признают несуществующим то, что есть).

По времени: опережающие (признают обстоятельство воз-

никшим раньше, чем оно было на самом деле) и запаздывающие (признают его возникшим позже).

По способу выражения: прямые (прямо закреплены в норме) и косвенные (выводятся путём толкования нормы).

Исторический контекст

Этот приём известен с древних времён.

В римском праве преторы выдавали «формулы с фикцией», указывая судье присоединить к наличным фактам несуществующий для защиты новых или неримских интересов.

Чем фикция отличается от презумпции?

Главное отличие в том, что презумпция — это вероятное предположение, которое может быть опровергнуто, тогда как фикция изначально ложна и неопровержима.

Таким образом, юридическая фикция — это вынужденный, но порой необходимый инструмент, который позволяет праву функционировать, даже когда реальность не совпадает с идеальной конструкцией.

Юридическая фикция: понятие, природа, генезис

Природа юридической фикции остается предметом дискуссии, несмотря на то, что начало исследования этой проблемы относится ко второй половине XIX века, когда такие классики российской правовой мысли, как Д.И. Мэйер, Г.Ф. Дормидонтов, С.А. Муромцев предприняли первые ее фундаментальные исследования, в контексте сопоставления с другими явлениями нетипичного правового поля, прежде всего, презумпциями.

Тем не менее, очевидно, большинство современных авторов едины во мнении о том, что юридические фикции представляют собой нетипичное правовое предписание, отождествляемое с такими легальными конструкциями, как «признание фактически несуществующего юридически существующим» или «погашение судимости», «лишение родительских прав» и пр.

Начало изучение юридической фикции в российском правоведении было положено работой Д.И. Мэйера «О юридических вымыслах и предположениях, о скрытных и притворных действиях» (1854), где теоретик предпринял попытку выяснить природу юридической фикции посредством ее сопоставления с презумпцией.

Он относит оба эти понятия к особого рода отклонениям от обычного порядка, когда положения, рассчитанные на общеизвестные случаи, обретают силу, в то время как в последних мы и не замечаем.

Полагая, что презумпция и фикция являются вымыслом в праве, имеющее прагматическое значение, Д.И. Мэйер обоснованно считает их родственными явлениями - нетипичными для права.

При этом он указывает на вероятностный характер презумпции как предположения о том, что данный факт, возможно, существует, что не характерно для фикции, которая отличается сознательным вымыслом.

Г.Ф. Дормидонтов существенно развил теорию Д.И. Мэй-

ера, выразив несогласие с некоторыми интерпретациями презумпции и фикции. В частности, в своей работе «Классификация явлений юридического быта, относимых к случаям применения фикций» (1895) он формулирует другой подход к определению презумпций, уточняет понятие юридической фикции.

Так, он полагает, что «Данное Мейером определение презумпций приходится изменить и понимать под предположением вообще - избранное или принятое мнение о сомнительном предмете; под общечеловеческим предположением - такое мнение, которое по тем или другим основаниям можно назвать общепринятым, господствующим в среде мыслящих людей; под юридическим предположением в обширном смысле - всякое определение объективного права, в котором выражается принятие законодателем определенного мнения, относительно какого-либо сомнительного предмета.

Под юридическим предположением в техническом смысле - юридическое определение, в силу которого возможный, но сомнительный факт или таковое же качество принимаются за объективно вероятные или даже достоверные и обсуждаются как существующие и доказанные.

Таким образом, мы имеем здесь дело с приемом родственным тому, который употребляется при создании фикций».

Кроме того, существенная разница, по мнению этого теоретика, между презумпциями и фикциями состоит в том, что презумпции являются порождением нашего разума, в то

время как фикции - порождение фантазии.

Фикция - это искусственный технический прием, который используют юристы в целях решения проблем правового регулирования, но такая искусственность фикции не говорит о недостойности этого приема, который вполне естественен в силу особенностей нашего мышления и языка.

«В специальных юридических трактатах и беседах, как в простой обыденной речи, очень часто слышатся слова: фикция, фиктивный, - пишет Г.Ф. Дормидонтов. - Говорят о фиктивных браках, о фиктивных капиталах и доходах, о фиктивных отчетах и сделках и т. п.; говорят о фикциях, измышляемых юристами, и фикциях, допускаемых и создаваемых законодателем.

Соединяя со словом фикция представление о вымысле, о заведомой лжи, простой смертный, не посвященный в таинства юриспруденции, не знающий какие затруднения приходилось и приходится исследовать ей, к каким разнообразным приемам прибегать, чтобы держаться на высоте своего назначения и на самом деле быть тем великим искусством, про которое давно уже сказано, что оно есть *ars boni et aequi* - легко и невольно может прийти в смущение».

Юридическая фикция, в отличие от презумпции, суть которой в вероятностной истинности положения, проверенного длительной практикой, является заведомой ложью, это положение, которое законодатель признает изначально ложным, оно лишено истинности.

С.А. Муромцев, рассматривая презумпцию в качестве некоей гипотезы, а фикцию как заведомую ложь, попытался обосновать критерий их различия природой происхождения.

Так, по его мнению, если презумпция как предположение о вероятном существовании какого-либо факта создается разумом, то фикция как ложь, сознательно формулируемая законодателем, создается фантазией, воображением.

Удивительным образом канва дискуссии о природе юридических фикций, возникшая более полутора века назад, не исчезла и сегодня. И современные исследователи стремятся раскрыть природу юридической фикции, часто через ее сопоставление с презумпцией, порой повторяя аргументы в пользу своей точки зрения, высказанные выше приведенными классиками.

В то же время, раскрывая понятие юридической фикции, следует констатировать, что подходы к раскрытию ее юридической природы формируются на базе признания некоторой совокупности признаков, характеризующих это юридическое явление.

Так, юридическая фикция рассматривается как прием юридической техники, в результате применения которого несуществующее признается существующим, приобретая признаки юридического факта, обуславливая нормативную юридическую природу фикции, ее роль в механизме правового регулирования как нормативного положения (нормы) с признанием.

При этом признается, что условием возникновения фикций, их применения в правоприменительной деятельности является неопределенность в праве, которая мыслится либо как «противоречие между формой права и его социальным содержанием», либо как «способы урегулирования правовой ситуации, которая имеет большую степень неизвестности», либо как «способы ликвидации неопределенности в системе общественных отношений».

Тем не менее, признавая данную совокупность признаков в качестве базовой при характеристике юридической фикции, исследователи акцентируют внимание на том или ином ее признаке (или совокупности признаков), что, в конечном итоге, означает разные подходы к интерпретации ее юридической природы. Характерна оппозиция взглядов на данную проблему В.К. Бабаева и А.Ф. Черданцева. По мнению В.К. Бабаева, юридическая природа фикции состоит в ее инструментальном характере, в том, что она представляет собой прием юридической техники³. По мнению же А.Ф. Черданцева, юридическая природа фикции состоит в ее нормативности - это нормы права или решения правоприменительных органов. В такой ситуации полярности научных положений некоторые авторы стремятся найти «золотую середину», примирив данные подходы в некоей интегральной интерпретации юридической фикции.

Например, такую попытку предпринимает Т.В. Кашанина.

По ее мнению, юридическая природа фикции заключается в том, чтобы «защищать вымышленный факт от любого опротестования». Положительным итогом данной дискуссии на данном этапе, которая еще далека от завершения, может быть признана констатация того, что юридическая фикция: во-первых, имеет социально-правовую природу, позволяя разрешать противоречие между социальным содержанием и правовой формой в условиях невосполнимой неизвестности; во-вторых, ее возникновение и применение подчинено логико-языковой природе юридических норм с особым содержанием, выражающейся в том, что юридическая фикция всегда формулируется в прескриптивной языковой форме и имеет форму суждения деонтической модальности, что позволяет ей предписывать считать несуществующие факты существующими; в-третьих, имеет функциональную природу, выражающуюся в том, что она является способом защиты вымышленного факта.

Нужно сказать, что большинство российских авторов при рассмотрении юридической фикции придерживаются позиции, схожей с точкой зрения В.К. Бабаева, рассматривая ее как прием юридической техники. Так, помимо этого теоретика, сформулировавшего свою позицию еще в 70-х годах прошлого века, такой точки зрения придерживаются такие известные теоретики права, как В.М. Баранов, Н.И. Матузов, А.В. Малько, В.А. Толстик, В.М. Горшенев, И.М. Зайцев.

По мнению И.М. Зайцева, под юридической фикцией следует понимать «Особый прием нормотворчества, суть которого заключается в том, что определенные юридические последствия закон связывает с заведомо несуществующими фактами»⁶. В качестве особого приема юридической техники рассматривают юридическую фикцию и Н.И. Матузов, и В.А. Малько.

По их мнению, особенность этого приема состоит в том, что «...действительность подводится под особую формулу, ей не соответствующую или даже вообще ничего общего с ней не имеющую, чтобы затем из этой формулы сделать соответствующие выводы».

Другая совокупность теоретиков склонна отождествлять юридическую фикцию с юридическим фактом.

К их числу относятся исследователи, которые стремятся в понятийной характеристике юридической фикции выделить признаки юридического факта, который ложен по своему содержанию, не существует в действительности, но имеет все формальные признаки реального юридического факта.

В данном контексте, очевидно, попытки найти некоторое компромиссное решение проблемы, состоящее в примирении этих двух подходов, заключающееся в одновременном их признании, в отождествлении юридической фикции и с приемом юридической техники, и с пониманием ее как юридического факта, возможно лишь путем отыскания более общего основания (признака).

Такой подход неизбежно является более общим в сравнении с этими подходами.

Так, Т.В. Кашанина, делая акцент на функциональности юридической фикции, признает в совокупности ее признаков и то, что она является приемом юридической техники, и то, что она является юридическим фактом. Но при этом она рассматривает ее не столько как нормативное положение (норму), сколько как способ ее построения.

Такой же точки зрения придерживается О.А. Курсова, которая определяет юридическую фикцию как «средство юридической техники, при помощи которого конструируется заведомо несуществующее положение (отношение или состояние), признаваемое существующим и обладающее императивностью, выполняющего роль недостающего юридическо-го факта в ситуации невосполнимой неизвестности, закрепленное нормой права».

Особенность такого широкого подхода к юридической фикции заключается в том, что ее природа видится не в норме права, а в положении, которое не существует и для признания существующим которого необходима норма права. То есть, юридическая фикция, таким образом, представляет собой некоторый способ конструирования нормы, но не саму норму.

Для прояснения природы юридической фикции обратимся к краткому анализу таких понятий, как «фиктивность в праве», «фикции в праве» и «правовые фикции», которые

имеют существенное различие. Отмечая, что фикция в целом является аномальным явлением в праве, в том смысле, что возникает в силу недостаточности типичных средств правового регулирования, необходимо также сказать, что такое явление, как «фиктивность в праве» является не только аномальным, но и антиправовым.

Речь идет о сознательном искажении смысла правовой нормы посредством использования ее формы.

Так, фиктивный обмен помещениями, фиктивное банкротство, так же как и фиктивный брак по форме могут совпадать с нормативными требованиями, однако само явление является крайне негативным, осуществляется вопреки смыслу правового регулирования, закреплённого нормой, поэтому законодатель стремится сформулировать и такие нормы, которые могли бы препятствовать подобным негативным явлениям.

Что касается «фикции в праве», то применение ее не противоречит смыслу права и цели правового регулирования.

Но применение фикций в праве осуществляется в процессе правоприменения, благодаря правовым фикциям, сформулированным законодателем.

Так, разграничение фикций в праве и правовых фикций имеет большое значение не только для понимания природы юридической фикции, но и для процесса правового регулирования.

В связи с этим, один из исследователей пишет: «...при-

знать фикции, возникающие в процессе реализации права, принадлежащими к правовым фикциям, означает, во-первых, девальвировать деятельность законодателя, признать ее фиктивной в своей основе, а во-вторых, девальвировать смысл и назначение правовых норм как единственно справедливого регулятора социальных отношений в масштабе общества в целом.

Строго говоря, имеет смысл разграничить два принципиально не соответствующих друг другу понятия - «правовые фикции» и «фикции в праве». Первое является для права аномальным, но соответствующим его целям, второе - также аномальным, но демонстрирующим отклонение права от свойственных ему целей путем вмешательства в развитие правовых отношений субъективного элемента».

Подводя итоги, необходимо сказать, что несмотря на большое эвристическое значение всех подходов, существующих в современной российской теории юридических фикций, следует учитывать, что при любой ее интерпретации неизбежным остается признание того, что юридическая природа фикции состоит в ее нормативности, поэтому под юридической фикцией следует рассматривать норму, решение правоприменительного органа с особым содержанием, которые в силу своей нормативности предписывают считать несуществующие жизненные обстоятельства существующими и наоборот, обладают деонтическими характеристиками, что и позволяет им реализовывать свою регулятивную функ-

цию.

Другими словами, юридические фикции - это модальные высказывания деонтического типа.

Юридическими же фикции становятся только в силу того, что приобретают нормативно-юридическое значение.

Как элемент механизма правового регулирования юридическая фикция имеет социальный, нормативный и технико-юридический аспекты. В социальном контексте юридическая фикция порождается ситуацией невозполнимой неизвестности, выражаемой правовой неопределенностью, требующей восполнения недостающих звеньев в правовом регулировании общественных отношений.

Она направлена на реализацию цели права, достижение социальной справедливости, которую в реально сложившихся неопределенных нормативно-правовых условиях нельзя достичь иначе как при помощи фикции.

Нормативный аспект юридической фикции заключается в том, что она представляет собой нормативное положение императивного общеобязательного характера, благодаря ее официальному признанию и закреплению в законодательстве.

Это - нормы права с особым содержанием, такие, например, как усыновление, снятие судимости, признание лица безвестно отсутствующим или умершим и пр.

Технико-юридический аспект юридической фикции состоит в том, что она является приемом юридической тех-

ники, суть которого сводится к признанию несуществующего существующим или наоборот, задача которого состоит в конструировании формальных юридических условий, позволяющих, как ни парадоксально, преодолеть формализм права, обеспечивая реализацию его цели.

Юридические фикции как правовой регулятор и связующий компонент в структуре права

Юридические фикции возникают вместе с правом и сопровождают его на всех этапах развития, являясь неотъемлемым компонентом его структуры и нормативного состава.

При том что юридические фикции используются во всех без исключения отраслях и иных подразделениях современного права, уже со времен римского права они прочно вошли в правовую традицию как юридико-технический прием в законодательствовании и правоприменении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.